

(с) Фото с сайтов [Вконтакте](#) и [Livejournal](#)

27.03.2013, 11:14

ИНТЕРВЬЮ

Чтобы начать понимать, что такое наши суды

Объединенная группы общественного наблюдения (ОГОН) провела **первый семинар** для наблюдателей на судах по болотному делу. О том, что такое наблюдение на судах, что оно дает и в чем заключается специфика работы наблюдателей, рассказали ОВД-Инфо координаторы ОГОН и участники Молодежного правозащитного движения Виктория Громова и Николай Зборошенко.

Что такое наблюдение за судебными процессами?

Наблюдение на судах — одна из самых сложных форм гражданского контроля. Оно направлено на изменение ситуации в судах в целом. Мы исходим из того, что любое осуществленное гражданами наблюдение приводит к изменению системы к лучшему, — если эти граждане способны оценивать, как то, что они видели, соотносится с идеальной моделью. Чем больше таких людей будет, тем больше шансов у суда измениться: никакая система не может меняться сама по себе, для этого необходимы

внешние факторы. Мы хотим, чтобы наблюдение и стало тем внешним фактором, который приводит систему к изменению.

А есть ли шанс изменить систему?

Сразу это не работает. Практически никакое гражданское наблюдение сразу не подействует. Может сработать, если ты оказался в темном переулке и увидел, например, что мужчина бьет женщину. Тогда ты можешь, — если, конечно, не побоишься, — подойти и сказать: «Я смотрю за вами», и процесс останавливается, по крайней мере, на пару минут. Только от тебя зависит, что будет дальше. Вот это, действительно, срабатывает быстро. А когда речь идет о системе и ее изменении, то все происходит очень медленно.

Одно из наших опасений состоит в том, что, наблюдатели не смогут сразу увидеть результат своей работы, потому что речь идет о долгосрочном процессе.

И все же как наблюдение может повлиять на суды?

Большая проблема заключается в том, что в России не все понимают, кто такие наблюдатели. А в действительности они есть, и эту роль должны активнее брать на себя сами граждане. Поэтому прежде всего нужно сделать так, чтобы статус наблюдателей стал явным. Чтобы наблюдатели стали для судов реальными действующими лицами. Контрагентами, к которым можно обращаться и которые по результатам наблюдения могут выдавать важные и ценные материалы.

Для того, чтобы появился такой определенный статус, нужно, чтобы наблюдатели стали видимыми. Наша задача — сделать так, чтобы наблюдателей стало много. Чтобы они приходили регулярно, по крайней мере, — по важным делам. То есть мы пытаемся выстраивать долгосрочное наблюдение, привлекая к этому все новых

и новых людей. Изменения смогут произойти только в том случае, если наблюдение станет массовым явлением. Иначе это будут опять одиночки, работа которых, к сожалению, вряд ли приведет к изменению, в лучшем случае повлияет на какое-то конкретное судебное решение.

Одиночки есть и сейчас. Есть профессиональные правозащитные организации, организации, которые работают по судам. Но пока более или менее активная часть общества в нашей стране не поймет, что суды — это очень важно и что каждый лично может как-то повлиять на процесс, система не изменится.

А в чем может выражаться результат наблюдения на конкретном процессе?

На основании фактов, зафиксированных наблюдателями, готовятся документы, которые потом можно приобщить к материалам дела, если какая-то сторона захочет это сделать. Наша задача — зафиксировать то, что мы видим, и предоставить это общественности. Дальше адвокаты, прокуроры, судьи, — все смогут это использовать так, как они посчитают нужным. Для нас главное в этом механизме, чтобы то, что происходило на суде, было описано нормальным языком, не с точки зрения эмоций, а с точки зрения права. Такие материалы могут потом быть использованы любой из сторон: для защиты, для обвинения или просто гражданским обществом для оценки суда.

Например, как президентский совет (**Совет при Президенте РФ по правам человека**) наблюдал на судах по делу Ходорковского. Или **Московская Хельсинская группа**, к которой обращались заявители в том числе по ряду экономических уголовных дел. По результатам наблюдения составлялись заявления по качеству судебного разбирательства, которые затем направлялись

в суд на бланке МХГ. По одному делу это сработало, на кассации Мосгорсуд отменил приговор.

Можно ли говорить про объективность, независимость, если наблюдатель изначально приходит на суд по запросу одной из сторон?

Мы наблюдаем только качество судебного разбирательства, а не его содержание. Когда ты идешь кого-то защищать, это значит, что у тебя глаза закрываются на нарушения с этой стороны. А мы исходим из того, что мы оцениваем и ту, и другую сторону.

То есть к ОГОНу обращается конкретная группа, у которой есть подозрение, что будут нарушения в интересах одной из сторон?

Для нас это является вполне нормальным, адекватным опытом. Если бы к нам пришли из прокуратуры и сказали: «Ребята, понаблюдайте, пожалуйста, а то мы боимся, что-то будет не так», — не вопрос! Наблюдателей для этого и зовут. Если есть запрос, если у одной стороны есть ощущения, что возможны нарушения, мы можем наблюдать. Но при этом мы предупреждаем, что будем обращать внимание на то-то и то-то и оценивать такие-то моменты. Схема нашей работы не должна зависеть от того, какая сторона к нам обращается.

Сейчас речь идет о том, чтобы наблюдать на судах по «болотному делу». Но на подобных резонансных процессах как правило уже присутствуют профессиональные наблюдатели.

Тут есть несколько моментов, которые представляются достаточно важными. Во-первых, вообще подход к наблюдению, в частности, по позиции невмешательства. Очень часто этот пункт предполагает, что из всего того, что фиксирует наблюдатель, готовится итоговый материал, который публикуется уже потом, *post factum*, когда

заседания завершены и все приговоры уже вынесены. У ряда наблюдателей, например, ОБСЕ, есть прямой запрет на то, чтобы разглашать материалы и вообще что-либо озвучивать из того, что они видели. С нашей же точки зрения, мы имеем право рассказывать. То есть если мы сегодня увидели здесь Это, мы Это можем пересказать. Для нас важнее вопрос гласности и открытости. Есть организации, которые занимаются разными вещами: кто-то собирает информацию, чтобы подготовить в итоге хорошее экспертное заключение. Это очень нужно и правильно. Если их задача — подготовить экспертное заключение, то тогда они должны действительно обнародовать его только после судебного разбирательства. Это отличие от некоторых международных наблюдательных практик.

Во-вторых, мы не видим большой проблемы в том, что наблюдателей будет много, что многие организации будут этим заниматься и будет много разных оценок. Задача ОГОНа заключается в том, чтобы наблюдение стало интересно именно гражданам, а не юристам, которые годами изучали судебный процесс. Мы понимаем, что очень важно быть профессионалами, и очень уважаем профессионалов, они действительно делают важное дело. Но наша задача — сделать так, чтобы люди, которые раньше никогда не имели отношения к судебным процессам, начали понимать, что такое наши суды. Просто потому что суд — это третья ветка власти и один из тех органов, которые так или иначе влияют на нашу жизнь, хотим мы этого или нет.

Сейчас распространен такой подход: «Я понимаю, что это важно, но не готов тратить на это свое время. Давайте я буду каждый месяц платить, скажем, тысячу рублей, чтобы этим занимались профессионалы».
Такой подход не сработает?

Во-первых, наши граждане не готовы платить профессионалам каждый месяц тысячу рублей. На самом деле, подходов может быть сколько угодно. Если граждане скажут: «Мы готовы заплатить кому-то, чтобы были профессиональные наблюдатели», — это прекрасно! Это значит, что человек осознает, что это важно, и таким своим действием также влияет на систему. Но здесь речь идет о благотворительности, меценатстве и поддержке профессиональных сообществ. В Москве это может иметь место. В Питере — может. Но в регионах, если говорить про Россию в целом, этого, конечно, не происходит.

В данном случае важно любое участие граждан. Но ОГОН создавался именно как возможность для любого гражданина увидеть, как работают суды, у него просто такая функция. Хотите поучаствовать — вы можете поучаствовать, не рублем, а своим личным присутствием. Он рассчитан на таких людей, которых это может заинтересовать.

Фактически речь идет о группе юристов, которые привлекают волонтеров, так?

Так. Но при этом волонтеров тоже нужно научить. Они должны знать, на что обращать внимание. Для наблюдения требуются определенные навыки, чтобы понимать, что они видят. Мы хотим, чтобы наблюдатели могли оценивать ситуацию с точки зрения международных норм, которые дают представление о справедливом судебном разбирательстве, например, статьи 6 [Европейской конвенции о защите прав человека](#). Нужно представлять и внутреннее законодательство: основы уголовного процесса, основы гражданского процесса.

Но самое главное — не преподавать урок уголовного процесса, а избавить людей от внутренней зашоренности, подготовить наблюдателей прежде всего именно в аспекте внутренней независимости.

При этом если мы хотим иметь по итогам наблюдения некий продукт, понятно, что над ним должны работать уже профессионалы, юристы.

Не может ли случиться так, что придут не очень опытные наблюдатели, и от их наблюдения будет скорее негативный эффект?

Наша задача как раз научить. Более того, это и есть одна из основных задач — научить качественно наблюдать!

Как вы планируете готовить наблюдателей?

В отличие от наблюдения на массовых акциях, тут научиться гораздо сложнее. Подготовка будет включать общую информационную встречу и семинар по судам. Кроме того, мы думаем про дополнительные встречи, а может быть, вставим дополнительный материал уже в консультации по конкретному наблюдению. Возможно, удастся также подготовить материалы, которые наблюдатели смогут прочитать самостоятельно. И в любом случае по каждому делу у нас будет инструктаж на три-четыре часа. Карту наблюдения будут разрабатывать профессионалы, причем с учетом того, что заполнять ее может человек не очень опытный.

Практической подготовки не будет?

Это желательно, но все будет зависеть от времени. В том числе от того, с какой скоростью будут набираться наблюдатели. Практикой будет уже само наблюдение на судах. Но сейчас говорить про это практически бесполезно, потому что, хотя уже прошел первый семинар и мы начали готовить наблюдателей, пока их недостаточно.

А сколько нужно людей?

Можно будет нормально работать в том случае, если реально наблюдать на судах будут готовы хотя бы двадцать человек. Но чтобы были готовы эти двадцать

человек, нужно, чтобы через первый семинар прошли по крайней мере человек пятьдесят. Потому что когда начнутся «болотные дела», окажется, что кто-то сломал ногу, кому-то нужно детей забирать из садика, у кого-то диплом. К тому же лето, все разъезжаются.

А для того, чтобы присутствовать на судебных заседаниях, нужно, прежде всего, время. Потому что, в отличие от наблюдения на митингах, это суды проходят в будни, когда присутствовать могут далеко не все. И на митинге ты знаешь, что потратишь пять часов — и все. А с судом ты можешь прийти в девять утра и уйти без еды в семь вечера.

Мы говорили про отличие участников ОГОН от профессиональных юристов, наблюдающих на судах. А чем они принципиально отличаются от журналистов?

Журналисты как правило связаны своими убеждениями, своими предпочтениями.

Формального говоря, журналист тоже должен быть независимым.

Журналист относится к группе, которая к наблюдателем является самой близкой, с которой нам в первую очередь можно будет сотрудничать. Но, в отличие от наблюдателя, у журналистов нет задачи отделять мнение от фактов. Они как раз могут свободно выражать свое мнение по любому поводу. Оценивать, что люди произносят, как они это произносят. Журналисты в этом плане ничем не ограничены.

У журналистов нет задачи рассматривать судебное разбирательство «С-Точки-Зрения-Международных-Норм-и-Стандартов». Им нет дела до международных норм и стандартов, они видят, что происходит, и об этом пишут. У наблюдателя ОГОН будет одна задача —

фиксировать происходящее с точки зрения права. А это, хотим мы или нет, исключает эмоциональные моменты. Конечно, эмоции будут, но они будут потом, с истериками на кухне.

Когда мы наблюдали дела по «массовым беспорядкам» в Белоруссии, — по ним после президентских выборов проходили около сорока человек, — наблюдателей приходилось отпаивать. Там наблюдали люди, которые в судах были в своей жизни первый-второй раз, которых проинструктировали, рассказали, как все должно быть, а потом они увидели, что происходит на самом деле, и... Приходили с круглыми глазами, столько было эмоций, раздражения, «сложной лексики»... Но история в том, что по итогу работы они сдали карты наблюдения, где все было очень сухо зафиксировано: того-то пустили, того-то не пустили и прочее, а все эмоции — они на кухне. Наблюдатели станут невротиками, а у журналистов будет возможность выговориться. И в этом отличие.

Читайте также:

В Москве началась подготовка наблюдателей для мониторинга на судах по «болотному делу»

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ